

За сплошной пеленою тумана
Нынче робко рождается день.
Как печальны в Тбилиси платаны.
Смолк поэт, воспевавший их тень.

Их вершины в обычные выси,
Как всегда, устремятся ли впредь?
Как печальны платаны в Тбилиси,
Если б только он мог поглядеть!

В срок назначенный явится осень
И, певца своего не найдя,
Ничего у прохожих не спросит,
А заплачет слезами дождя.

А зима над притихшей землею,
Над волнами любимой реки
Склонит голову, станет седою
Не от снега — от горькой тоски.

Горе — дом, чей хозяин в изгнание,
Ствол, подрубленный злою рукой,
Горе — это печаль и молчанье,
Дно сухое, что было рекой.

Город, самый любимый на свете,
Твой певец в предосеннем дыму
Проплывает, тебя не заметив,
Смерть слепая мешает ему.

Дождь любил он, и не потому ли,
Как безмолвный, прощальный салют,

Дождь идет над изгибами улиц,
По которым поэта несут.

О Мтацминда, тебя он, бывало,
Воспевал, не жалея щедрот,
Песни сердца тебе отдавал он,
Нынче сердце свое отдает.

1966